

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ОСТЕРМАНА В 1730-х – НАЧАЛЕ 1740-х гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Анализируется внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в воспоминаниях его современников: Х. Манштейна, Б.Х. Миниха, Э.И. Бирона, Э. Миниха, Ф.И. Соймонова, И.И. Неплюева, Я.П. Шаховского и анонимного автора «Замечаний на записки г. Манштейна» в 1730-х – начале 1740-х гг. Именно в мемуарном жанре содержится информация, которая не могла появиться в источниках делопроизводственного характера. В статье делается попытка отойти от сложившихся стереотипов на основании анализа прежде всего фактов о внутриполитической деятельности Остермана.

Ключевые слова: Россия в XVIII в.; А.И. Остерман; Кабинет министров; мемуары XVIII в.; дворцовые перевороты; внутренняя политика России.

Андрей Иванович Остерман являлся одним из наиболее значимых российских политических деятелей 1720-х – начала 1740-х гг. В историографии он известен прежде всего благодаря своей внешнеполитической деятельности, в то время как его роль в имперской внутренней политике еще не становилась объектом монографического анализа [1]. На наш взгляд, такой пробел необходимо восполнить, ведь с деятельностью Остермана связаны не только громкие дипломатические победы, одной из которых стал Ништадтский мир 1721 г. [2], но и создание Табели о рангах (1722) [3. С. 48–77], с которой связано становление современного бюрократического государства в России. Принимая во внимание обширность темы, в настоящей работе мы остановимся на его внутриполитической деятельности в 1730-х – начале 1740-х гг.: именно в это время Остерман после краха «затейки верховников» стал одной из ключевых персон, ответственных не только за внешнюю, но и за внутреннюю политику Российской империи. Источниковой базой для настоящей работы послужили произведения мемуарного жанра. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что они неспособны дать исчерпывающую информацию для полноценной реконструкции политической биографии Остермана. Однако именно в этих источниках сохранилась информация, которая не могла появиться в источниках делопроизводственного характера.

Всего нами было выявлено девять мемуарных источников, в которых современники упоминают об А.И. Остермане. Это сочинения Х.Г. Манштейна, гр. Б.Х. Миниха, его сына – гр. Э. Миниха, герц. Э.И. Бирона, Ф. И. Соймонова, И.И. Неплюева, кн. Я.П. Шаховского и анонимного автора «Замечаний на записки г. Манштейна». О всех них, за исключением последнего, личность которого неизвестна, можно сказать, что они были не только современниками Остермана, но и лично его знали. Из семи известных авторов четверо были иностранцами на российской службе, трое – русскими дворянами. Принимая во внимание, что «Замечания на записки г. Манштейна» были написаны по-немецки, можно с осторожностью предположить, что их автор также был иностранцем на российской службе [4. С. 102–112].

Обращаясь к такому неоднозначному источнику, необходимо не только помнить про пресловутую

субъективность, но и понимать цель его создания, которая самым непосредственным образом оказывала влияние на его содержание.

Самым ранним мемуаром были воспоминания Х.Г. Манштейна. Время их создания относят ко второй половине 1740-х гг. [5. С. 247]. Он в 1736 г. поступил на русскую службу, а уже в 1744 г. был вынужден покинуть Россию из-за нависшей над ним угрозы. Соответственно, в период написания воспоминаний Манштейн находился на службе у прусского короля Фридриха II. Важно заметить: мемуарист в своих «Записках о России» описывал события из российской истории с 1727 г. Как он сам заявил в начале своего сочинения: «Пробыв большую часть моей жизни в России, я успел... быть свидетелем многих необыкновенных событий. Это побудило меня записать все, что произошло наиболее замечательного со дня кончины императрицы Екатерины» [6. С. 11]. Однако непосредственным свидетелем событий в России он мог быть только с 1739 г. Таким образом, его описание событий до 1739 г. основано на собранных им свидетельствах и слухах. Скорее всего, сочинение Манштейна стало результатом королевского заказа, что предопределило фактологическую направленность «Записок» [7. С. 494], в которых бывший адъютант Б.Х. Миниха, словно историк, постарался дать беспристрастную оценку событий. Его сочинение больше напоминало политическую хронику России 1727–1744 гг., насыщенную различного рода фактами, нежели личные воспоминания автора.

Э.И. Бирон написал свои мемуары совершенно в иных условиях, будучи в ссылке в Ярославле. Известны две редакции записки, которые были созданы к 1747 г. [8. С. 324]). По мнению А.Н. Филиппова, одна из них предназначалась для Елизаветы Петровны, а другая – для европейского читателя. Несмотря на общую канву повествования, некоторые моменты в двух версиях поданы по-разному. По сути, они представляли оправдательную записку, в которой курляндский герцог старался переложить всю ответственность за события, связанные с престолонаследием, на другие лица, в том числе на Остермана [9. С. 522].

Э. Миних закончил работу над своими мемуарами в 1759 г., пребывая, как и Бирон, в ссылке. Автор сам обозначил намерения следующими словами: «Дабы

мои дети пример из того взяли и старались подобного избегать и уклоняться» [7. С. 500]. Соответственно, у него не было причин намеренно искажать события, дабы добиться оправдания со стороны власти, а декларируемое желание передать детям свой неудачный опыт скорее располагало к взвешенному описанию событий.

Сочинение Б.Х. Миниха фактически было создано по заказу Екатерины II в 1760-х гг. Последняя даже распорядилась определить в качестве помощника к фельдмаршалу, находившемуся в преклонном возрасте, Г.-Ф. Миллера. По сути, их нельзя назвать классическими мемуарами. Они представляли собой очерк по новейшей политической истории России [Там же. С. 497], в котором Б.Х. Миних стремился продемонстрировать императрице свою большую роль, нередко приукрашивая свои достижения.

Целью другого мемуариста – Ф.И. Соймонова – скорее всего, было описание непростого жизненного пути и передача потомкам богатого опыта государственной службы. Основная часть мемуаров была написана в конце 1750-х – начале 1760-х гг., а завершены они были уже в начале 1770-х гг. При работе над воспоминаниями автор использовал несохранившиеся к сегодняшнему дню журналы, т.е. своеобразные дневниковые записи, которые вел в течение многих лет [10. С. 21].

Я.П. Шаховской, приступив к написанию мемуаров в начале 1770-х гг., следующим образом определил цель их создания: «По просьбе моих друзей... а притом частию еще и в удовольствие собственной... частию же добродетельствуя моему отечеству... сочинил я сие краткое описание» [11. С. 11]. Автор надеялся на то, что его опыт сможет пригодиться читателям.

Неясны мотивы И.И. Неплюева при создании воспоминаний. Скорее всего, они целенаправленно составлялись для будущих поколений. Последний этап работы над ними пришелся на начало 1770-х гг. Сами по себе «Записки» неоднородны, так как их разные фрагменты создавались в разное время [12. С. 471].

Имя автора «Замечаний» на «Записки» Х.Г. Манштейна неизвестно. Можно только с уверенностью сказать, что он был манштейновским современником. Если говорить о времени создания, то они были написаны уже после публикации мемуаров Манштейна, т.е. не ранее 1780-х гг. [7. С. 502]. Цель их создания понятна: это критика некоторых фактов и оценок из воспоминаний бывшего адъютанта фельдмаршала, с которыми автор как современник был не согласен. С этим связана и дискуссия об авторстве «Замечаний». В качестве возможного автора назывались Э. Миних, П.И. Панин или даже сыновья А.И. Остермана [4, 13, 14].

Принимая во внимание вышеизложенные данные, можно говорить о некоторой закономерности в очередности появления мемуаров интересующих нас авторов. Первыми, кто написали свои мемуары, были иностранцы на русской службе: Манштейн, Бирон и Минихи. Их мотивы были разными, однако на всех них оказала влияние европейская интеллектуальная традиция. Позже написали мемуары русские авторы – Соймонов, Шаховской и Неплюев. Как представляется,

это было связано с тем, что именно к началу 1770-х гг. произошло усвоение русскими авторами интеллектуальных европейских традиций. Не случайно именно в период царствования Екатерины II в России произошли «взлет» и «стремительный рост» мемуаротворчества [5. С. 26]. В связи с этим важно подчеркнуть, что сам мемуарный жанр не только располагал к личной пристрастности. Его обратной стороной было требование описывать события своей жизни *sine ira et studio*. Как результат, неизбежная субъективность могла сочетаться и с объективным описанием.

При работе с источниками мы сфокусировались на следующих сюжетах: Остерман в событиях междоусобия 1730 г., его служба на государственных постах при Анне Иоанновне, связанная с внутренней политикой, участие в решении проблем престолонаследия, деятельность при двух регентствах после смерти Анны Иоанновны, а также выстраивание взаимоотношений с представителями правящей элиты по внутривластным вопросам.

Одним из важных исторических сюжетов, в связи с которым упоминается имя Остермана, были события междоусобия 1730 г., когда была предпринята попытка ограничения самодержавия [15]. Х.Г. Манштейн приводил сведения, согласно которым сама Анна Иоанновна поручила Остерману «составить план интриги, которая повела бы ее к самодержавию», в результате чего она и смогла отвергнуть «кондиции» [6. С. 31]. Однако такая информация больше нигде не фиксируется. Как отмечает исследователь А.Б. Сидякина, Манштейн мог «наблюдать русский двор и важнейших его деятелей... лишь в краткий, но насыщенный событиями период с осени 1739 г. по лето 1741 г.». При этом, по ее мнению, «источником по жизни двора для него были именно “слухи”», несмотря на то что они оказались собранными «профессионально и проанализированы мастерски» [16. Т. 14. С. 2]. Таким образом, Манштейн мог зафиксировать только некие позднейшие слухи о хитроумном Остермане.

Другой мемуарист – Э. Миних – написал следующее по вопросу участия Остермана в событиях 1730 г.: «Хитрого Остермана еще в 1730 г., после кончины Петра II, если не истинная, то по крайней мере притворная болезнь благополучно освободила от присутствия в том собрании, в котором тогда об ограничении самодержавной власти рассуждается и положение сделано было» [17. С. 384]. Следует заметить, что Миних с 1729 по 1733 г. отсутствовал в России и, подобно Х.Г. Манштейну, мог писать про такое поведение Остермана только с чужих слов. Схожее с миниховским мнение можно обнаружить у анонимного автора «Замечаний...»: «Может статься, что под предлогом болезни желал он и уклониться от присутствия в совете при крайне затруднительном рассуждении о наследии» [18. С. 419].

Таким образом, три данных воспоминания сообщают диаметрально противоположные, на первый взгляд, сведения о роли А.И. Остермана в событиях 1730 г.: если, по Х.Г. Манштейну, он оказался чуть ли не главным организатором прихода к власти Анны Иоанновны, то, согласно Э. Миниху и анониму, он

избегал активного политического участия. Принимая во внимание сведения из других источников, приведенные в фундаментальной монографии И.В. Курукина и А.Б. Плотникова о 1730 г., можно утверждать, что правы были Миних и аноним [15. С. 99–100]. Однако следует отметить, что и Манштейна, и Миниха объединяет оценка приписанного ими поведения Остерману: это способность к организации успешной и хитроумной интриги. В связи с этим предположим, что иногда репутация Остермана работала как самодостаточная объяснительная модель, когда за недостатком фактов можно было сослаться на некую тайную интригу, мастером которой прослыл Остерман.

После поражения «верховников» и прихода к власти Анны Иоанновны Остерман единственный член ВТС, не замешенный в «затейке», смог не только сохранить свое положение во власти, а и усилить его. Б.Х. Миних вспоминал, что именно Остерман в 1730 г. оказался «во главе правительства». В связи с этим Остерман обратился к Миниху, чтобы тот предложил Анне Иоанновне «учредить Кабинет, который заведовал бы важнейшими государственными делами... и назначить туда членом, кроме Остермана, только одного князя Алексея Михайловича Черкасского, которым он надеялся управлять». Это предложение было принято, и Кабинет был учрежден, в результате чего «Остерман и Черкасский остались одни членами Кабинета». При этом Миних отмечал, что «учреждение Кабинета было нечто новое в России и неприятное для всех, тем более что Остерман считался двоедушным, а Черкасский очень ленивым; тогда говорили, что Черкасский был телом Кабинета, а Остерман – душой, но не слишком честной» [19. С. 293–294]. Таким образом, согласно воспоминаниям Б.Х. Миниха, Кабинет Министров был создан благодаря инициативе Остермана. При этом последний, несмотря на расположение императрицы, предпочел действовать не открыто, а через другого человека.

Кроме того, в 1732 г. А.И. Остерман был назначен императрицей членом Военной морской комиссии [20. С. 95], которая, по словам Ф.И. Соймонова, фактически работала только год¹. Хотя Остерман был назначен в нее «первым» [22. С. 69], ведущую роль в ней играл Н.Ф. Головин, так как ему покровительствовал Э.И. Бирон. В связи с этим мемуарист приводил следующий факт: Головин, планируя в перспективе стать президентом Адмиралтейств-коллегии, предложил упразднить в последней должности вице-президента и прокурора для усиления власти президента. Как результат «Остерман по политике, а прочие члены от трусости и согласились, и в доклад представили» [Там же. С. 74]. Несмотря на нежелание вступать в конфликт с Бироном, уже тогда Остерман продемонстрировал свой интерес к военно-морскому флоту. Так, Э. Миних написал о диалоге отца с Остерманом, во время которого последний намекал, «что он охотно желал бы быть великим адмиралом» [17. С. 400].

Подобный сюжет мы встречаем у анонимного автора. Он передает слова Б.Х. Миниха: «Я вспомнил, что граф Остерман, составляя в 1732 г. новое положение для флота, показывал желание быть великим ад-

миралом» [18. С. 459]. Однако Остерман смог получить должность генерала-адмирала только 10 ноября 1740 г. после смещения Бирона с поста регента [23. Л. 78]. Получалось, что Остерман, несмотря на свое пристрастие к военному флоту, не считал возможным вступить как в открытую конкуренцию с Головиным, так и организовать против него интригу. Согласно воспоминаниям Соймонова, Головин, бывший с 1733 г. президентом Адмиралтейской коллегии, допустил ряд серьезных злоупотреблений по своему ведомству, о которых знал и Остерман. Мемуарист описывал случай представления доклада в Кабинете министров вместе с Н.П. Вильбоа в 1738 г. о гаванях в Кронштадте, находящихся в запущенном состоянии. Сведения об этом дошли до императрицы и разозлили ее. В результате Остерман вызвал Соймонова и, «будучи весь красен, и в великом поту» задавал ему вопросы, делая пометки в бумагах. Однако потом оказалось, что проблема так и не была решена и забыта, словно ничего и не было [22. С. 151–152].

Авторы воспоминаний довольно подробно писали о немаловажной роли А.И. Остермана в решении вопросов престолонаследия. Отсутствие ясной процедуры передачи власти осложнялось отсутствием наследника у незамужней императрицы. По словам Э.И. Бирона, уже в начале царствования государыни этот вопрос волновал ближайшее окружение. Остерман и гр. Р.Г. Левенвольде начали часто заговаривать с царицей о порядке наследования, «*вкрадчиво* (выделено нами. – А.Л.) изыскались» [9. С. 524]. Поэтому им поручили составить проект, который, однако, был холодно встречен ею. И тогда, «через два или три дня по учреждении кабинета» (т.е. в 1731 г.), Остерман «втайне составил манифест о присяге», по которому восстанавливалось право монарха назначать себе преемника [Там же. С. 525]. 17 декабря 1731 г. императрица утвердила его [24. Т. VIII. С. 601–603; 25. С. 30–31].

Привлекался А.И. Остерман и к вопросу выбора мужа для Анны Леопольдовны, ребенку которой в перспективе предназначался российский престол. Э.И. Бирон свидетельствовал, что выбранный Р.Г. Левенвольде Антон Брауншвейгский первоначально не понравился императрице и она обратилась за советом к Остерману. Последний высказался в поддержку этого брака, так что Анна Леопольдовна и принц Антон Ульрих поженились в 1739 г. [9. С. 527].

Однако это замужество еще не ставило точки в вопросе о престолонаследии. Согласно манифесту 1731 г. статус наследника можно было приобрести только на основании официально выраженной воли монарха. Но Анна Иоанновна откладывала этот вопрос до последнего. По свидетельству Э. Миниха, 6 октября 1740 г. (он ошибается – это произошло 5 октября [26. Л. 11 об.; 27]) императрице за столом стало плохо, она упала в обморок и ее отнесли в постель [17. С. 382]. Это стало своеобразным сигналом для приближенных императрицы о необходимости принятия официального решения о дальнейшей судьбе российского престола. Миних вспоминал, что вечером того же дня, как императрице стало плохо, у Э.И. Бирона было совещание с Б.Х. Минихом, А.М. Черкасским, А.П. Бестужевым-Рюминым и гр. Р.Г. Левенвольде, по итогам ко-

торого герцогу было предложено стать регентом. Однако Остерман, в отличие от двух других кабинетных министров, на нем не присутствовал из-за своей болезни. Как подчеркивал автор мемуаров, в этот раз у него была «действительная подагра в обеих ногах» [17. С. 384]. В связи с этим Бирон, указав на ряд мер, которые необходимо принять («паче всего необходимо молодого принца Иоанна объявить наследником престола и ему учинить присягу в верности» [Там же]), предложил «обо всем оном рассудить и сообразить с графом Остерманом» [Там же]. После этого участники совещания отправились к Андрею Ивановичу. Последний, узнав о результатах совещания с Бироном, «немедленно при величайших знаках усердия согласие свое изъявил, присовокупя, что если герцог Курляндский в нерешимости своей останется, то надлежит самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его к тому» [Там же. С. 385]. После этого «тем же часом» был составлен манифест о престолонаследии. Это произошло при участии Остермана и в его доме. Схожее описание приводится в анонимных замечаниях [18. С. 438–440].

Э.И. Бирон в одной из своих записок несколько по-другому описывал эти события. Согласно одной записке, предназначенной в качестве оправдания для императрицы Елизаветы Петровны, в день, когда Анне Иоанновне стало плохо, сам герцог отправил Р.Г. Левенвольде к Остерману за консультацией. После того, как посланник вернулся с его рекомендацией решать вопрос с наследником, оба кабинетных министра отправились в дом к Остерману [9. С. 528–529]. Однако в другой записке Бирон утверждал, что уже сама Анна Иоанновна отправила Левенвольде к Остерману, после чего «граф Левенвольде, которого Ее величество отправила к Остерману, чтобы узнать, что он собирается делать, вернувшись, принес план, который составил этот министр: прежде всего нужно думать о преемнике». Этим преемником официально следовало провозгласить младенца Иоанна Антоновича [28. Р. 387].

Так или иначе Анна Иоанновна согласилась на предложенный Остерманом вариант действий и подписала манифест, согласно которому трон переходил маленькому принцу. Вопрос с наследником был решен. В то же время оставался открытым вопрос о регентстве. Наиболее значимые сановники империи поддерживали кандидатуру герцога Курляндского. Однако именно Остерман «взял на себя... предложить императрице» кандидатуру Бирона в качестве регента [17. С. 385]. Несмотря на сомнения, через несколько дней императрица в присутствии Э.И. Бирона и Остермана подписала соответствующий документ [Там же. С. 386; 9. С. 533]. По свидетельству Бирона, после этого она еще долго разговаривала с Остерманом [9. С. 533].

А.И. Остерман, таким образом, несмотря на болезненное состояние, стал активным участником событий, чего нельзя сказать о событиях десятилетием раньше. Можно предположить, что он, ощущая большую уверенность, решил воспользоваться ситуацией для усиления собственного влияния, в связи с чем и действовал от своего имени. Именно по его предложению решился вопрос династического брака Анны

Леопольдовны, и именно он имел самое непосредственное отношение к важнейшим документам 1740 г.: манифесту о наследнике и духовной Анны Иоанновны. В то же время следует заметить, что мемуаристами оказался упущенным факт составления Остерманом проектов наследования престола потомками Иоанна Антоновича, несмотря на то что именно они стали одной из главных причин ареста Остермана после событий 25 ноября 1741 г. [29].

Другой отдельный сюжет, на котором останавливались мемуаристы, – это деятельность Остермана после смерти Анны Иоанновны при двух регентствах до прихода к власти Елизаветы Петровны. Х.Г. Манштейн писал, что Остерман единолично руководил до конца регентства Э.И. Бирона всеми делами «министерства» [6. С. 173]. Уже после ареста Бирона и передачи регентства Анне Леопольдовне один из организаторов бироновского отстранения фельдмаршал Б.Х. Миних получил должность кабинет-министра и начал довольно активную деятельность, фактически превратившись в конкурента Остермана. Последнему это явно не понравилось. В связи с этим Э. Миних сообщал, что «Остерман вместе со своей партией... преклонили принцессу, что она отца моего от службы уволить согласилась» [17. С. 408], после чего уже «воля графа Остермана *всему* (выделено мной. – А.Л.) решение подавала» [Там же. С. 409]. Анонимный автор, в свою очередь, пытался оправдать остермановские действия, так как, по его мнению, «внушения хитрого графа Остермана» не были причиной падения фельдмаршала [18. С. 461]. При этом он отмечал, что Б.Х. Миних во время своего пребывания на посту кабинет-министра «признавал необходимость пользоваться советами графа Остермана как по внешним, так и по внутренним делам государства» [Там же]. Так или иначе Остерман усилил свои позиции после смерти Анны Иоанновны, сумев к концу краткого регентства Анны Леопольдовны стать наиболее влиятельным и авторитетным политиком, в руках которого фактически сосредоточились как наиболее важные вопросы внешней, так и внутренней политики.

Немаловажный вопрос – это то, как Андрей Иванович выстраивал отношения с окружающими его людьми в ходе своей государственной деятельности. Ведь известно, что нередко взаимоотношения в высших эшелонах власти определялись личными интересами наиболее значимых персон при дворе и их «партий», боровшихся за влияние на правителя.

Прежде всего следует остановиться на его взаимоотношениях с фаворитом Анны Иоанновны – Э.И. Бироном. Б.Х. Миних писал, что Остерман находился под влиянием курляндского герцога: «Оба... министра (Остерман и Черкасский. – А.Л.) находились в *совершенном подчинении* (выделено мной. – А.Л.) у обер-камергера герцога Бирона» и «не осмеливались делать ничего, что не нравилось бы этому фавориту» [19. С. 302]. В то же время Б.Х. Миних сообщал, что в 1740 г. по «указанию» Бирона Анна Иоанновна назначила кабинет-министром А.П. Бестужева-Рюмина «для того, чтобы уравновесить власть Остермана» [Там же. С. 303]. Если Остерман был и так в «совершенном подчинении», зачем его надо было еще

кем-то уравнивать? Похоже, в подобных оценках Миних противоречил сам себе. В связи с этим приведем информацию, сообщаемую Х.Г. Манштейном: «Когда... умер великий канцлер гр. Головкин [1734 г. – А.Л.], то на его место в Кабинет был вызван Ягужинский. Так как в то время гр. Бирон за что-то сердился на гр. Остермана, то он примирился с Ягужинским, чтобы умалить значение Остермана» [6. С. 38].

Итак, Андрей Иванович явно не шел на открытый конфликт с Э.И. Бироном. Возможно, такое поведение Остермана стало поводом для Б.Х. Миниха размышлять о подчинении его герцогу. Однако, скорее всего, он был независимой фигурой, что также принималось во внимание и Бироном.

Особым образом Остерман выстраивал отношения с другим постоянным кабинетным министром – кн. А.М. Черкасским. Как отмечалось выше, Б.Х. Миних утверждал, что «тогда говорили... Черкасский был телом Кабинета, а Остерман – душой». Кроме того, фельдмаршал вспоминал, что «в видах Остермана и Черкаского было, чтоб в Сенате присутствовали только лица, ничего не значащие» [19. С. 303]. Я.П. Шаховской, который несколько раз лично обращался в Кабинет министров, привел несколько примеров будничного взаимодействия между Остерманом и Черкасским. Так, во время суда над Волынским, он просил об определении его на армейскую службу, однако «граф Остерман и князь Черкасский на такие же мои им прошения... коротко и холодно мне отвечали». Уже позднее, когда в конце 1740 г. Шаховской, находясь при генерал-полициймейстере, подал какие-то служебные документы кабинет-министрам, то Остерман и Черкасский, «равно как бы согласясь, оные от меня приняв, сказали только *хорошо, мы рассмотрим, а теперь не время*». В отличие от них, гр. М.Г. Головкин выказал свою благосклонность и интерес к Шаховскому [11. С. 26, 35]. Получалось, что в описании Шаховского Остерман и Черкасский чуть ли не сливались в одно лицо. Судя по всему, эти два министра наладили взаимоотношения между собою и выстроили эффективное и бесконфликтное взаимодействие.

В то же время Б.Х. Миних приводил слова Анны Иоанновны об Остермане, что последний «не может никого терпеть около себя» [19. С. 303]. Естественно, что их необходимо понимать не как любовь Остермана к одиночеству, а как нелюбовь к конкурентам. То же подтверждал и Х.Г. Манштейн, сообщавший, что Остерман в «своих сослуживцах терпеть не мог ума» [6. С. 162]. Это отразилось на его взаимоотношениях с двумя другими коллегами по кабинету – А.П. Волынским и Б.Х. Минихом. А.П. Волынский, назначенный в 1738 г. в Кабинет министров, фактически превратился в оппонента Остермана и конкурента за влияние на императрицу. По воспоминаниям Ф.И. Соймонова, Остерман был «крайним неприятелем Волынского» [22. С. 142]. Сходно оценивал ситуацию Я.П. Шаховской, который называл Волынского своим «благодетелем» [11. С. 25]. Автор отмечал вражду между Волынским и Остерманом: «Он (Волынский. – А.Л.) с товарищем своим, кабинет-министром же графом Остерманом, имел потаенную вражду и каждый

из них, имея у двора из первейших чинов свою партию, непременно *один другому* (выделено нами. – А.Л.) сети к уловлению и рвы к падению хитро делать тщились» [11. С. 22–23]. Важно подчеркнуть: несмотря на свои симпатии к казенному кабинет-министру, по делу которого он мог и сам пострадать, Шаховской все же не считал возможным изобразить Волынского безвинной жертвой коварного Остермана. Упомянутая им борьба была взаимной.

Непростые взаимоотношения были у Остермана с фельдмаршалом Б.Х. Минихом. Э. Миних пишет, что его отец «с давнего времени пользовался... дружбою» Андрея Ивановича. Однако все изменилось после того, как Миних-старший стал кабинетным министром: Остерман был «недоволен, что отец мой часто не хотел в Кабинете соглашаться с ним в мнении, а притом умел своего брата, тогдашнего действительного тайного советника Миниха, как бы для надзирания над ним ввести в департамент иностранных дел». Как отмечалось выше, в итоге Б.Х. Миних был вынужден покинуть пост кабинет-министра.

Однако мемуаристы, безусловно, не ограничивались представлением только фактов из политической деятельности Остермана. Они их сопровождали и личностными характеристиками, которые подчас могли закрывать фактическую сторону дела. По словам Х.Г. Манштейна, Остерман был «одним из величайших министров своего времени», очень «понятлив», «умен», «трудолюбив», «ловок» и «неподкупной чести» [6. С. 202–203], но в то же время «недоверчив», «не мог терпеть никого ни выше себя, ни равного себе, разве когда это лицо было гораздо ниже его по уму», «никогда товарищи его по кабинету не были довольны им, он хотел руководить всеми делами, а прочие должны были разделять его мнение и подписывать», всегда оставался «скрытен» и «никогда не смотрел никому в лицо» [Там же]. При этом мемуарист характеризовал его как человека, обладающего совершенным талантом притворства [Там же. С. 36].

Минихи также неоднозначно отзывались о вице-канцлере. Э. Миних писал, что для Остермана «обещать и сдержать – все вещи различные» [17. С. 409]. Тем не менее он высоко оценивал заслуги Остермана, который «сделался необходимым своим искусством в политических делах, обширными познаниями внутреннего состояния империи и преизящным слогом в сочинениях» [Там же. С. 339]. Б.Х. Миних, с одной стороны, упоминал его склонность к трудолюбию, с другой – двоедушие и нечестность [19. С. 293–294], а также то, что он «лукав и не может никого терпеть около себя» [Там же. С. 303].

Довольно критичную характеристику Остерману дал Ф.И. Соймонов. Он писал, что Андрей Иванович «подлинно умел черное белым, а белое черным бес красок делать. А открытнее сказать – и бес красок верили тому, что и как он назовет» [22. С. 151–152].

Довольно позитивно, хотя и сдержанно, высказался об Остермане И.И. Неплюев. Андрей Иванович был своего рода наставником молодому дипломату, который давал своему подопечному «поучения» [30. С. 421–423]. Именно покровительство со стороны Остермана стало поводом к аресту Неплюева после

ноябрьского переворота 1741 г., а его сотрудничество с графом легло в основу обвинения. Однако, несмотря на дотошные расспросы о Неплюеве, Остерман на него ничего плохого не показал; остался верен своему «благодетелю» и Неплюев [30. С. 426]. Во время работы следственной комиссии он охарактеризовал Андрея Ивановича как человека «таковых дарований ко управлению делами, каковых мало было в Европе» [Там же]. Анонимный автор «Замечаний» также привел положительное мнение об Остермане. По его словам, этот сановник (правда, наряду с другими «выдающимися личностями»), «с честью и похвалою» трудился «в кабинетах, судах, в управлении областей и градов» [18. С. 449], будучи известным как «крайне осторожный во всех своих поступках» [Там же. С. 438]. Однако такие умеренные и взвешенные высказывания явно уступали по своей яркости негативным описаниям.

Именно отрицательные личностные характеристики такого рода и создали закрепившийся в историографии образ Остермана, не вызывающий особых симпатий. Но кем были эти авторы? Соймонов, как один из самых нелестных мемуаристов, пострадал в результате интриг Остермана, будучи вхожим в «партию» казненного Волынского. Последний также был покровителем и Шаховского. Свои счета с Андреем Ивановичем были у Минихов. Не исключено, что под влиянием рассказов Б.Х. Миниха находился и его адъютант Манштейн. Неоднозначными отношения были между Остерманом и Бироном. В связи с этим, на наш взгляд, следует прежде всего, отойдя от таких характеристик, обратиться к фактической стороне проблемы.

Если отойти от описаний Остермана как хитроумного интригана, «серого кардинала» аннинского времени, способного своими интригами даже возвести на престол очередного монарха, и посмотреть на приводимые факты, то получится, что хотя он и инициировал ряд важных актов и решений – учреждение Кабинета министров и издание манифеста о престолонаследии 1731 г., это было сделано в сотрудничестве с

другими персонами. Будучи погруженным в рутину повседневной бюрократической деятельности, Остерман был готов годами ожидать желанной должности, лишь бы не вступать в конфликт с влиятельной персонею (ситуация с Воинской морской комиссией и Н.Ф. Головиным). Как результат, он не стремился в 1730-е гг. самостоятельно выдвигать какие-то крупные проекты преобразований. В свою очередь, это приводит к сложности установления его авторства многих решений и инициатив Кабинета министров, несмотря даже на то, что и идея его создания принадлежала Остерману. Лишь тогда, когда его основные политические конкуренты сошли со сцены, т.е. в непродолжительное регентство Анны Леопольдовны, он получил возможность проявить себя не только в роли исполнителя, скрывавшего свои инициативы под именем Кабинета министров, а и в роли полноценного инициатора реформ. Помимо прочего, Остерман написал обширнейшее мнение, в котором фактически изложил новую программу внутренней политики [31. Т. III]. Однако такая перемена и погубила его. Снимая обезличивающую маску государственного учреждения, он превращался из бюрократа-исполнителя в полноценного участника придворной борьбы за власть. Как результат, его политическая карьера не смогла пережить очередной дворцовый переворот, а вместе с ней отправилась в небытие и остермановская программа внутренних преобразований. В итоге Остерман остался в истории прежде всего как ловкий дипломат и хитроумный придворный интриган. Как представляется, здесь в полной мере проявились противоречия, связанные со становлением и развитием высшей бюрократии Нового времени. Статус бюрократа, служащего обезличенным интересам, мог обеспечить большую устойчивость карьеры, однако дать меньше возможностей для продвижения своих идей. Для последнего надо было переодеваться в одежды придворного, способного бороться за внимание монарха, что грозило потрясениями из-за борьбы за власть.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Н.Н. Петрухинцев пишет о двух этапах деятельности комиссии – с февраля по май 1732 и с июня 1732 по 1737 г., отмечая при этом, что «комиссия числилась “по бумагам” еще и в 1738 г.» [21. С. 245–246].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лыцова А.С. От литературы к исследованию: жизнеописание Остермана в отечественной историографии XIX – н. XX в. // V Информационная школа молодого ученого : сб. науч. тр. / ЦНБ УрО РАН. Екатеринбург, 2015. С. 176–183.
2. Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 545 с.
3. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. : Формирование бюрократии. М. : Наука, 1974. 395 с.
4. Петров П.Н. Составитель «Замечания на Записки Манштейна о России» // Записки Манштейна о России 1724–1744 гг. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1879. С. 102–112.
5. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М. : Наука, 1991. 286 с.
6. Манштейн Х.Г. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 9–272.
7. Наумов В. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 489–504.
8. Филиппов А. Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнестом-Иоганном Бироном // Журнал министерства народного просвещения. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1903 г. С. 322–349.
9. Бирон Э.И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. Т. 6, № 12. Декабрь. С. 522–542.
10. Горбушина Н.В., Чекунова А.Е. Предисловие. Федор Иванович Соймонов и его мемуары // Соймонов Ф.И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М. : Государственный исторический музей, 2014. С. 7–39.
11. Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра 1725–1765. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–224.
12. Наумов В. Мемуары русских государственных и военных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра 1726–1765. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 449–472.

13. Щербальский П.К. Кто написал Замечания на Записки Манштейна о России? // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 3. С. 141–146.
14. Юргенсон А.Я. Замечания на Записки о России генерала Манштейна, изданные в 1879 г. под именем графа Петра Ивановича Панина // Русская старина. 1887. № 5. С. 309–328; № 6. С. 613–628.
15. Курукин И.В., Плутников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, 2010. 280 с.
16. Сидякина А.Б. «Записки о России» Х.Г. Манштейна как источник по истории деятельности Э.И. Бирона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 1. С. 188–197.
17. Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 319–410.
18. Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 411–488.
19. Миних Б.Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 273–318.
20. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: РОССПЭН, 2014. 1063 с.
21. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.
22. Соймонов Ф.И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М.: Государственный исторический музей, 2014. 536 с.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3866.
24. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VIII. 1728–1732. СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
25. Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. Вып. 7. М.: МГИУ, 2007. С. 15–54.
26. Российский государственный архив древних актов. Ф. 6. Оп. 1. Д. 304.
27. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: Частный издатель П.А. Трибунский, 2003. 570 с.
28. *Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande* // *Magazin für die neue Historie und Geographie*, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. IX. Hamburg, 1775. S. 381–398.
29. Российский государственный архив древних актов. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8.
30. Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра 1726–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–448.
31. См.: Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в сем 1740 году, сообщено им же, с запискою А.К. // Памятники новой русской истории: сб. ист. ст. и материалов. Т. III. СПб., 1873. С. 256–278.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2017 г.

THE DOMESTIC POLICY OF A.I. OSTERMAN IN THE 1730S – EARLY 1740S IN THE MEMORIES OF HIS CONTEMPORARIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 421, 144–151.

DOI: 10.17223/15617793/421/21

Anastasiia S. Lystsova, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: anastasiya.kr.1992@gmail.com

Keywords: Russia in 18th century; A.I. Osterman; Cabinet of Ministers; memoirs of 18th century; palace revolutions.

The article analyzes domestic political activities of A.I. Osterman in the memories of his contemporaries: H. Manstein, B.H. Minich, E.I. Biron, E. Minich, F.I. Soymonov, I.I. Neplyuev, J. P. Shakhovsky and the anonymous author of *Remarks on the Notes of Manstein* in the 1730s – early 1740s. This genre contains information that can not appear in the documents of state chancelleries. The memories include bright characteristics of Osterman's personal qualities. They promoted the creation of stereotypes about him as a court intriguer that are still relevant in historiography. The author makes an attempt to move away from stereotypes on the basis of the analysis, and, first of all, of facts about the political activities of Osterman. The study found that, on the one hand, Osterman was the mastermind of the creation of the Cabinet of Ministers and of the restoration of Peter's Charter of succession, and took an active part in solving the problem of succession at the turn of the 1740s. On the other hand, in the 1730s he dealt with daily government routine to a great extent, did not offer his own projects of reform and did not enter into open conflicts with the authorities. During the short regency of Anna Leopoldovna when his main political rivals disappeared from the political scene he was able to show himself not only as an executor but also as an initiator of reforms. Before this time he concealed his private initiative under the name of the Cabinet of Ministers. Besides other things, Osterman wrote an extensive opinion in which he actually laid out the new program of the domestic policy. However, these changes killed him. He turned into a full-fledged member of the court struggle for power from a bureaucrat-executor taking off the mask of the depersonalizing public institution. As a result, his political career did not survive the next palace revolution. Because of this, his program devoted to the normalization of the domestic policy failed. As a result, Osterman remained in history primarily as a clever diplomat and a cunning court intriguer. It seems that it is connected with the formation and development of the higher bureaucracy of modern times. A bureaucratic status could provide greater career stability but gave less opportunities to promote one's own ideas. This status deprived of a personal character. Eventually, the bureaucrat had to put on the "clothes" of the court in a struggle for the attention of the monarch.

REFERENCES

1. Lystsova, A.S. (2015) Ot literatury k issledovaniyu: zhizneopisaniya Ostermana v otechestvennoy istoriografii XIX – n. XX v. [From literature to research: biography of Osterman in the Russian historiography of the 19th – early 20th centuries]. In: Treskova, P.P. (ed.) *V Informatsionnaya shkola mladogo uchenogo* [V Informational school of a young scholar]. Ekaterinburg: OOO UIPTs.
2. Feygina, S.A. (1959) *Alandskiy kongress. Vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoy voyny* [The Aland Congress. Russia's foreign policy at the end of the Northern War]. Moscow: USSR AS.
3. Troitskiy, S.M. (1974) *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: Formirovaniye byurokratii* [Russian absolutism and the nobility in the 18th century: Formation of bureaucracy]. Moscow: Nauka.
4. Petrov, P.N. (1879) Sostavitel' "Zamechaniya na Zapiski Manshteyna o Rossii" [Compiler of "Remarks on Manstein's Notes on Russia"]. In: *Zapiski Manshteyna o Rossii 1724–1744 gg. Zamechaniya na nikh grafa Petra Ivanovicha Panina* [Manstein's Notes on Russia of 1724–1744. Remarks on them by Count Pyotr Ivanovich Panin]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.

5. Tartakovskiy, A.G. (1991) *Russkaya memuaristika XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Russian memoirism of the 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
6. Manshteyn, Kh.G. (1997) Zapiski o Rossii generala Manshteyna [Notes on Russia by General Manstein]. In: Manshteyn, Kh.G. et al. *Perevoroty i voyny* [Coups and wars]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
7. Naumov, V. (1997) Poslepetrovskaya epokha glazami rossiyskikh nemtsev [Post-Petrine Epoch through the eyes of the Russian Germans]. In: Manshteyn, Kh.G. et al. *Perevoroty i voyny* [Coups and wars]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
8. Filippov, A. (1903) Neizdannyy tekst zapiski, predstavlennoy imperatritse Elizavete Petrovne byvshim gertsogom Ernestom-Iogannom Bironom [Unpublished text of a note submitted to Empress Elizabeth Petrovna by the former Duke Ernest-Johann Biron]. In: Radlov, E.L. (ed.) *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
9. Biron, E.J. (1861) Obstoyatel'stva, prigotovivshie opalu Ernesta-Ioanna Birona, gertsoga Kurlyandskogo [Circumstances that prepared the disgrace of Ernest-John Biron, Duke of Courland]. *Vremya*. 6:12. pp. 522–542.
10. Gorbushina, N.V. & Chekunova, A.E. (2014) Predislovie. Fedor Ivanovich Soymonov i ego memuary [Foreword. Fyodor Ivanovich Soymonov and his memoirs]. In: Soymonov, F.I. *Rukopisnoe nasledie. Iz fondov otdela pis'mennykh istochnikov Istoricheskogo muzeya* [Manuscript heritage. From the funds of the department of written sources of the Historical Museum]. Moscow: State Historical Museum.
11. Shakhovskoy, Ya.P. (1998) Zapiski [Notes]. In: Liberman, A. & Naumov, V. *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [The Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
12. Naumov, V. (1998) Memuary russkikh gosudarstvennykh i voennykh deyateley poslepetrovskogo vremeni [Memoirs of Russian state and military figures of post-Petrine time]. In: Liberman, A. & Naumov, V. *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [The Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
13. Shchebal'skiy, P.K. (1859) Kto napisal Zamechaniya na Zapiski Manshteyna o Rossii? [Who wrote Notes on Manstein's Notes on Russia?]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 3. pp. 141–146.
14. Yurgenson, A.Ya. (1887) Zamechaniya na Zapiski o Rossii generala Manshteyna, izdannye v 1879 g. pod imenem grafa Petra Ivanovicha Panina [Remarks on Notes on Russia by General Manstein, published in 1879 under the name of Count Pyotr Ivanovich Panin]. *Russkaya starina*. 5. pp. 309–328; 6. pp. 613–628.
15. Kurukin, I.V. & Plotnikov, A.B. (2010) *19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobytiya, lyudi, dokumenty* [January 19 – February 25, 1730: events, people, documents]. Moscow: Kvadriga.
16. Sidiyakina, A.B. (2013) “Zapiski o Rossii” Kh.G. Manshteyna kak istochnik po istorii deyatelnosti E.I. Birona [“Notes on Russia” by H.G. Manstein as a source on the history of E.J. Biron]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 14:1. pp. 188–197.
17. Minikh, E. (1997) Zapiski grafa Ernsta Minikha [Records of Count Ernst Minich]. In: Manshteyn, Kh.G. et al. *Perevoroty i voyny* [Coups and wars]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
18. Anon. (1997) Zamechaniya na “Zapiski o Rossii generala Manshteyna” [Remarks on “Notes on Russia by General Manstein”]. In: Manshteyn, Kh.G. et al. *Perevoroty i voyny* [Coups and wars]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
19. Minikh, B.Kh. (1997) Ocherk upravleniya Rossiyskoy imperii [Essay on the government of the Russian Empire]. In: Manshteyn, Kh.G. et al. *Perevoroty i voyny* [Coups and wars]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
20. Petrukhintsev, N.N. (2014) *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [The domestic policy of Anna Ioannovna (1730–1740)]. Moscow: ROSSPEN.
21. Petrukhintsev, N.N. (2001) *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovaniye vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730–1735 gg.* [The reign of Anna Ioannovna: the formation of the internal political course and fate of the Army and the Navy, 1730–1735]. St. Petersburg: Aleteyya.
22. Soymonov, F.I. (2014) *Rukopisnoe nasledie. Iz fondov otdela pis'mennykh istochnikov Istoricheskogo muzeya* [Manuscript heritage. From the funds of the department of written sources of the Historical Museum]. Moscow: State Historical Museum.
23. Russian State Historical Archive. Fund 468. List 1. File 3866. (In Russian).
24. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire, composed by the decree of the Emperor Nicholas Pavlovich. Collection One. From 1649 to December 12, 1825]. Vol. VIII. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
25. Omel'chenko, O.A. (2007) Stanovlenie zakonodatel'nogo regulirovaniya prestolonaslediya v Rossiyskoy imperii [The formation of legislative regulation of succession in the Russian Empire]. *Femis. Ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*. 7.
26. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 6. List 1. File 304. (In Russian).
27. Kurukin, I.V. (2003) *Epokha “dvorskikh bur”’: Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg.* [The Epoch of “Court Storms”: Essays on the political history of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan: Chastnyy izdatel' P.A. Tribunskiy.
28. Anon. (1775) Motifs de la disgrace d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande [Reasons for the disgrace of Ernest-John Biron, Duke of Courland]. *Magazin für die neue Historie und Geographic, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching*. IX. pp. 381–398.
29. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 3. List 1. File 8. (In Russian).
30. Nepliyuev, I.I. (1998) Zapiski [Notes]. In: Liberman, A. & Naumov, V. *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [The Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
31. Barsukova, A.P. et al. (1873) Mnenie grafa A.I. Ostermana o sostoyanii i potrebnostyakh Rossii v sem 1740 godu, soobshchenno im zhe, s zapis-koyu A.K. [The opinion of Count A.I. Osterman about the state and needs of Russia in 1740, he expressed himself, with a note by AK]. In: *Pamyatniki novoy russkoy istorii: sb. ist. st. i materialov* [Monuments of the new Russian history: historical articles and materials]. Vol. III. St. Petersburg: Tipografiya Maykova.

Received: 20 March 2017